

Е. С. Солонович

Джузеппе Джоакино
Белли – римский поэт,
открытием которого
Европа обязана
Гоголю

1 88 лет назад, 31 марта 1829 года, римским Папой стал кардинал Франческо Саверио Кастильони, принявший имя Пий VIII. Следующим днём датирован сонет Джузеппе Джоакино Белли «Пий VIII» – безжалостный портрет немощного старца, избранного конклавом после более чем месячного заседания¹:

Такого Папу выбрать! Просто любо!
Грешно равнять, но вылитый хахам.
Детей, когда не слушаются мам,
Пугать бы им – дурных учить уму бы.

Весь в лишае, кривой, во рту ни зуба,
И двух шагов пройти не в силах сам,
Родню свою пристроить там и сям
Успеет ли? Боюсь, не дал бы дуба.

Глядите, кто наместником Христа
Стал на земле! Какая срамота!
Варёная мошонка с тухлым фаршем!

Прислуга ювелира, знать, была,
Права, когда сказала: «Ну дела!
Такое чучело поставить старшим!»

¹ Здесь и далее цитируем сонеты Белли по изданию: Белли, Джузеппе Джоакино. Римские сонеты / пер. с итал. Е. М. Солоновича. М., 2015.

Луиджи Моранди (1844–1922), первый публикатор римских сонетов Белли и известный исследователь его творчества, отметил этот сонет как «первый, по которому видно, что поэт нашёл свой путь, ибо начинает говорить от имени народа и на подлинном языке народа».

«Подлинный язык народа», о котором упоминает публикатор, – римское наречие, *Lingua romanesca*, как называет его Гоголь в письме из Рима М. П. Балабиной, делясь с ней впечатлением от сонетов Белли:

<...> вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli, которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает. В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться, и это тяжёлое облако, которое налетает часто на вашу голову, слетит прочь вместе с докучливой и несносной вашей головной болью. Они писаны in *Lingua romanesca*, они не напечатаны, но я вам их после пришлю [XI: 143].

Процитированное письмо датировано апрелем 1838 года, а 23 июня 1839 года, по возвращении из Италии, французский критик Шарль Огюстен Сент-Бёв рассказывал в письме другу:

Есть в Риме поэт (и я сожалею, что не встретил его), причём поэт истинный, как говорили мне люди сведущие. Его имя Белли, он пишет сонеты на транстеверинском наречии, сонеты, которые образуют последовательный ряд и составляют единую поэму. Он оригинален, остроумен по всеобщему мнению, особенно же – в глазах художника; похоже, это действительно большой поэт, чьи стихи вобрали в себя жизнь Рима; он не печатается, его вещи остаются в рукописи и почти совершенно не имеют распространения [Цит. по: Abeni, Bertazzoli, De Michelis, Gibellini, 1983: 27. Пер. здесь и далее наш. – Е. С.].

Кого под сведущими людьми и под художником подразумевал француз, он уточнил в «Путевом дневнике»:

Невероятно! Большой поэт в Риме, поэт оригинальный. Его имя Белли (или Бели). Гоголь знает его и подробно мне о нём говорил [Цит. по: Abeni, Bertazzoli, De Michelis, Gibellini, 1983: 28].

Встреча Сент-Бёва и Гоголя произошла на пароходе, следовавшем из Чивитавеккьи в Марсель, и к фигуре Белли Сент-Бёв вернётся в 1845 году, в рецензии на повести Гоголя во французском переводе, повторив почти в тех же словах разговор с Гоголем о римском поэте. В своей рецензии французский критик даст Гоголю характеристику, во многом объясняющую интерес русского писателя к автору римских сонетов:

Его не отпугивает грубая и голая правда жизни <...> [Цит. по: Лаффит, 2009: 12].

Что касается Белли, то к «грубой и голой правде жизни» он пришёл известным в литературных кругах поэтом, автором написанных на литературном итальянском языке гладких, безупречных по форме идиллических

картин и стихов на библейские темы, когда открыл для себя возможности поэзии на диалекте. В конце 1820-х годов поэт находит своего коллективного героя в лице римского простонародья. Можно предположить, что в выборе героя ему помогла известная страсть итальянцев к карнавалам – этому уличному театру, в котором каждый сам себе драматург, режиссёр и актёр. Сонеты Белли на римском наречии становятся таким театром. Чаще всего это театр одного актёра, иногда же «на сцене» два персонажа, готовых рассуждать на любую тему. Но теперь перед нами только актёры, тогда как произносимый ими текст принадлежит поэту, и он же режиссёр, а заодно и суфлёр. За двумя-тремя исключениями, «я» в римских сонетах это не его, не авторское «я» Белли, а «я» персонажа, говорящего от первого лица. Тут уместно вспомнить слова упоминавшегося выше Л. Моранди:

Римлянин, как все южане, не умеет думать в одиночестве и молча, он ищет мысль в компании и в беседе и, если не может говорить с себе подобными, разговаривает с собакой, с кошкой, с ослом, с канарейкой, с плохой погодой, со святыми, с Мадонной.

Свои голоса поэту «делегируют» мастерские, трактирщики, лавочники, могильщики, слуги и служанки, тёщи и свекрови, матери и отцы, представительницы древнейшей поэзии. Люди эти в курсе всех событий, происходящих в насквозь пронизанном ханжеством государстве, духовная и светская власть в котором принадлежит Папе. Они соблюдают все христианские праздники и исправно ходят к мессе, что не мешает им, выйдя из храма, привычно грешить и при каждом удобном случае на чем свет стоит ругать понтифика, кардиналов, священников и монахов, а заодно и богохульствовать. Вот как условный римлянин объясняет набожность сограждан чужестранцу:

Вы думаете Пасха очень много
Для римлян значит, ежели народ
Боишься опоздать на крестный ход,
Великий праздник соблюдая строго?

Но вы, милорд, забыли, что дорога
Не только в храм, но и назад ведёт:
Глядишь, денек-другой прошёл, и вот
Примерным Божьим чадам не до Бога.

Мамаша с дочкой всем подряд дают,
В служанке просыпается воровка,
Упырь чиновник грабит бедный люд.

У нас и вера напоказ, и честь,
Для райской жизни надобна сноровка, –
Короче, всё как было, так и есть.

Сочная речь римлян, приправленная к месту крепким словцом, заражает Белли настолько, что в иной день он пишет до десятка сонетов. Дар

сатирика безошибочно подсказывает поэту выбор очередного персонажа, обращающегося к себе подобным, – остаётся только вывести его на сцену, заставив самого поверить, что никто не тянет его за язык.

К человеческим сладостям простых смертных Белли снисходителен, над маленькими людьми он потешается незло, прощая им большие и не очень большие слабости, что позволило одному из исследователей говорить о его «безжалостной жалости». Иное дело те, чьё социальное положение – не только залог обеспеченной жизни, но и оправдание собственной безнравственности, стяжательства, лжи. К кому особенно беспощаден поэт, так это к римским первосвященникам и их прелатам, олицетворяющим в его глазах не столько Церковь, сколько тоталитарную власть в Папском, «стоячем» [III: 245] по определению Гоголя, государстве.

За два года до смерти Белли объяснит, как бы он ответил на вопрос о генезисе римских сонетов:

<...> я бы ответил, что моё намерение заключалось не в том, чтобы запечатлеть на бумаге язык, для которого нет в Италии достойного места, но исключительно для того, чтобы предоставить нашему народу возможность говорить о себе на своём <...> языке, описывая свои собственные обычаи, свои привычки, свои заблуждения и вместе с тем собственные своеобразные мысли о высших слоях общества, в котором он помещается на дне [Цит. по: Teodonio, 1993: 332].

О своём для героев римских сонетов языке с гордостью говорит носитель этого языка в сонете «Разные языки»:

Я слышал, что народ любой земли
Словами объясняется такими,
Которые осилить, сидя в Риме,
И за три жизни мы бы не смогли.

По-своему болтают со своими
Испанцы, англичане, москали,
Хранцузы, но мозгой пошевели:
И тут мы верх берём над остальными.

Нигде такого языка в ходу,
Как наш, и ежели нужно подтверждение,
Я не одно, а тыщу приведу.

Взять слово «сральник», так ему спокон
Полно замен: «скворечник», «заведение»,
«Уборная», «местечко», «нужник», «трон».

Гротескная картина Рима в сонетах Белли на романеско всё больше приобретает характер масштабной человеческой комедии, где есть всё для того, чтобы поразить воображение Гоголя, работающего в это время над «Мёртвыми душами». Гоголь влюблён в Рим, и понять, чем дышит со-

временный ему Вечный город, помогают вдохновители римских сонетов – люди, которым вскоре суждено украсить неоконченную повесть «Рим». Век спустя В. В. Гиппиус отметил:

<...> существователей он находит и здесь, но рисует их юмористически, хотя и безобидными чертами – аббат, любитель покушать; итальянские синьоры, любительницы посплетничать; наконец Пеппе, мечтающий разбогатеть, – всё это отклики как прежних типов Гоголя, так и одновременно создававшихся Собакевича, губернских дам, Чичикова [Гиппиус, 1994: 95].

Говоря о Белли и о русском писателе, открывшем его для Европы, нельзя не сказать о случайном, но от этого не менее знаменательном совпадении в их биографиях. Таинственная история второго тома «Мёртвых душ» чудом не повторилась в истории римских сонетов Белли, дважды в завещании просившего друзей, которым он в разное время доверил сохранение своих сонетов, сжечь их после его смерти. Заслугу одного из этих друзей, кардинала Тиццани, пренебрёгшего загадочным пунктом завещания Белли, столетие спустя оценит известный итальянский поэт Эудженио Монтале:

В 1851 году монсиньор Винченцо Тиццани, главный капеллан папской армии, епископ Терни, впоследствии архиепископ Низибии и, наконец, патриарх Антиохийский, решил, если не ошибаюсь, добиться включения «Божественной комедии» в список запрещённых книг. Его отговорили некоторые кардиналы, о чем я сожалею. Удайся ему эта затея, он обессмертил бы своё имя. Если же его вспоминают сегодня, то лишь благодаря тому, что он спас от огня и опубликовал многие стихотворения Белли. Это может показаться парадоксом, но это так. Сказанное трудно объяснить не итальянцам.

Было бы ошибкой закончить слово о поэте, открытием которого Европа обязана Гоголю, не показав на дополнительных примерах, чем этот поэт заслужил высокую оценку автора «Мёртвых душ». Предлагая вниманию аудитории несколько сонетов Белли в своём переводе, хочу заранее предупредить, что отдельные места в них заслуживают индекса 18 плюс.

Могильщики

При малярии, при её давнишней
Способности всюю косить людей
Наш брат могильщик жил повеселей,
А нынче жизнь куда уж никудышней!

Никто не мрёт, и ежели Всевышний
Не вразумит маленько лекарей,
Профессия могильщика, ей-ей,
Сама умрёт, поскольку станет лишней.

Семнадцатый – вот был удачный год!
На редкость дружно помирал народ,
У нас работы было через меру.

Друг моего дружка, могильщик сам,
Надеется, что в утешенье нам
Небесный Царь на Рим наслёт холеру.

Матрацник

Вы рады, окаянные, стараться
Очередную дрянь изобрести,
Чтобы клопов несчастных извести
Абы не перетягивать матраца.

А что же нам? Без хлеба оставаться?
Где, если так, заказчиков найти?
Само собой, у нас клопы в чести,
Храни их Бог, пусть, милые, плодятся.

Благодаря клопам хоть раз в году
Я перетяжку полную мастачу
То тем, то этим: позовут – иду.

Отец учил держать за хвост удачу,
И я его учение блюду,
Когда клопа в матрац готовый прячу.

Дермафродиты

Дермафродиты, ежли ты в проблеме
Не разобрался, так могу сказать, –
Смесь мужиков и баб, где ни погладь,
Всё под рукой. Диковинное племя.

И мужики и бабы в то же время,
Завидная порода, благодать:
Когда задуть приспичит или дать,
Есть чем и есть куда набулькать семя.

Счастливые! Сколь хошь любовь крути,
С кем хошь довольствуй то манду, то муди,
Почто держать голодных взаперти?

А многие порядочные люди
Не могут никого себе найти
Для утоленья при любовном зуде.

Канцелярии

Такое время, доченька, настало,
 Что жалости нет в людях ни на грош.
 Кто их подмаслит, гадов, тот хорош,
 А ты хоть помирай, им дела мало.

Я взад-назад ходить уже устала,
 Кажинный божий день одно и то ж,
 Гоняют: завтра утречком придёшь,
 Я прихожу – и всё опять сначала.

Я всех святых на небе допекла
 Молитвами – зря тужилась, кулема,
 Ничуть не продвигаются дела.

То вышел человек, то нет приёма,
 То рано, вишь, то поздно, вишь, пришла.
 Коль не нужда, я бы сидела дома.

Вот тебе и штука!

Создай Адама Бог без главной штуки,
 Неведомо, чем кончил бы Адам.
 А как терпеть, когда приспичит нам?
 Как тут не взвыть от нестерпимой муки

Та требует – женись, а то не дам,
 Той заплати – и рассупонишь брюки,
 На той подхватишь кой-чего, на суке,
 А поп не спит – ведёт учёт грехам.

Собакам проще, хоть за них приятно:
 Сношаются когда и где хотят,
 Без сводников и задарма, бесплатно.

Бывает, случку в церкви учинят,
 Поскольку нехристи, так что обратно
 Им наплевать на Папу и на ад.

Один лучше другого

Я с Толстопузым, Отченаш, Горбун,
 Вшиварь, Лунатик, Живоглот, Свербило,
 Лопата, Рыжий, Требуха, Типун,
 Дермафродит, Удавленник, Громила,

Кат, Облупало, Горлохват, Дристун,
 Пупок, Бобыль, Мотня, Сипатый, Шило,

Упырь, Баклага, Камбала, Лизун,
Задрыга, Попугай, Паникадило,
Тать, Кривопис, Иуда, Скопидом,
Шиш, Чёбот, Вырвиглаз, Гонимонету,
Кобель, Затычка, Сводник, Костолом –
Счастливики, которым равных нету, –
На площади пред Святым Петром
Впряглись намедни в папскую карету.

Работа

Ещё чего, милейший, не хватало!
Работать? Нет, я не такой дурак!
Как это втолковать тебе? Ну, как
Ещё сказать, чтобы понятно стало?

Напившись и наевшись до отвала
На солнышке попробуй не приляг,
А ежели ты вовсе натощак,
Где силы взять, когда и так их мало?

Вон как попы относятся к труду!
Вели попу работать, он опешит:
Мол, что ты говоришь за ерунду!

В раю любой себя бездельем тешит:
Святая чешет целый день п..ду,
Святой с утра до ночи яйца чешет.

За закрытой дверью

Хозяйка сразу, как в обед поела,
Идёт к себе, а я следочком – шась,
Чтобы к замочной скважине припасть
И зыркать, – уважаю это дело.

Вот к зеркалу кикимора подсела
И ну где мел, а где румяны класть,
Чтоб рытвины на мёртвой коже скрасть,
Потом парик сняла, другой одела...

Вымает зубы, распущает грудь,
Гримасы строит, старая вертячка,
Рвёт волоски, а то не там растут...

Поканителлась – и на софу,
А для чего ей на софе собачка,
Не говорю, поскольку стыдно. Фу!

Друг и советчик

Ты прав... я рад бы... да... но, вообще-то...
 Тут, брат... тем паче... ясно не пустяк...
 Добро бы... дело, так сказать, табак...
 Небось... ага... ну как тут без совета?

Ну, нет... а то бы... я тебе не враг...
 Обмозговать бы... слушай... я бы это...
 Но токмо... дак... не делал бы секрета...
 Посколь... а он-то... так-то оно так...

Да он в штаны наложит с перепугу...
 Ещё бы... я с тобой... да ты не трусь...
 По мне... да я бы этого подлюгу...

Да я... Пусть Бога молит эта гнусь...
 Ну как не пособить советом другу?
 Я, как ты знаешь, даром не хвалюсь.

Палач

Преступников не меньше, чем доселе,
 Хватает, слава Богу, как всегда,
 И не беда, что в судьях есть нужда,
 Без них и мы бы на бобах сидели.

А если что не так на самом деле,
 То в якобинцах главная беда:
 Совсем сдурели эти господа –
 Отмены смертной казни захотели.

Попы, хотя любить не могут их,
 Тут с ними не затеивают спора,
 А я и рад – на что мне передых!

Я знаю, что разнадоблюсь не скоро:
 Как может власть всю жизнь терпеть живых,
 Коль я для власти главная опора?

Карета кардинала

Где Каччабове делается уже,
 Ну прямо настоящая кишка,
 Мчал кучер не простого седока,
 А кардинала, что гораздо хуже.

И этот чёртов кучер, важный дюже,
 Чем всех предупреждать издалека:

«Поди! Поди!» – сбил, сволочь, старика
И переехал колесом к тому же.

Ну, люди полумёртвого с земли
Подняли, на руках домой снесли, –
Как тут не пособить хоть в самом малом!

Сказать тебе, что будет с лихачом?
Увидишь, кучер будет ни при чём,
Всегда при чём который пешедралом.

Литература

Гиппиус В. В. Гоголь. СПб., 1994.

Лаффит С. Гоголь и Сент-Бев // Московский журнал. 2009. № 11.

Abeni D., Bertazzoli R., De Michelis C. G., Gibellini P. Belli oltre frontiera. Roma, 1983.

Teodonio M. Vita di Belli. Roma-Bari, 1993.